

<http://mbiomorph67.ru/N-88-html/cont.htm>  
<http://mbiomorph67.ru/N-88-html/TITL-88.htm>  
<http://mbiomorph67.ru/>

<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-88-html/cont.htm>  
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/N-88-html/TITL-88.htm>  
<http://sgma.alpha-design.ru/MMORPH/TITL.HTM>

УДК 7.067.3

## ПАМЯТЬ ФОРМЫ: К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОНЕТНОГО УНИВЕРСУМА В КОМПАРАТИВИСТСКИХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ СВОДАХ

© 2025 г. Фокин Л.

Будучи устойчивой стихотворной формой, и, если угодно, культурным архетипом, сонет – с его иерархически выстроенной архитектоникой, на протяжении столетий провоцировал филологическую мысль на попытки тотальной инвентаризации, которые, в свою очередь, неизбежно выходили за рамки сугубой библиографии, превращаясь в масштабные акты историко-литературной и теоретической рефлексии, при которой сама структура подборки, отбор имен и принципы комментирования обнажали глубинное понимание (или непонимание) исследователем не только эволюции жанра, но и самой природы поэтического высказывания, балансирующего на грани между неумолимым диктатом правила и мягкой свободой творческого жеста. Именно поэтому история сонетных антологий, от первых ренессансных флорилегиев, утверждавших канон Петрарки в его незамутненной чистоте, до современных цифровых корпусов, стремящихся к тотальному охвату всех национальных и исторических модификаций, предстает не в виде линейного прогресса, а в качестве сложного, полифонического диалога различных методологических школ, каждая из которых – будь то герменевтика, структурализм, рецептивная эстетика или компаративистика – предлагала свой ответ на коренной вопрос: что из себя представляет сонет в своей сущности – незыблемый кристалл идеальной формы или же, напротив, живой, изменчивый организм, чья идентичность зиждется на постоянном самоотрицании и порождении дериватов?

В западноевропейской традиции, чья многовековая разработка сонетного поля породила такие фундаментальные своды, как «The Sonnet: An Anthology» Роберта Бендера и Чарльза Свайера (Robert M. Bender и Charles L. Squier, 1965), или же новаторский проект «The Penguin Book of the Sonnet», под редакцией Филис Девин (Phyllis Levin, 2001), в котором принцип исторической последовательности был дополнен тематическими и

типовыми разделами, ключевым противоречием, определившим лицо этих трудов, стало напряжение между универсалистским пафосом, стремящимся представить сонет как общечеловеческий феномен, и вниманием к уникальным национальным путям его развития, будь то английский взлом итальянской схемы, породивший мощную традицию «шекспировского сонета», или же изощренная барочная игра с формой в поэзии испанского «золотого века», или, наконец, немецкая философизация сонета у романтиков, превративших его в инструмент умозрения. Это противоречие с неизбежностью порождало методологические трудности, связанные с критериями отбора: следует ли включать в антологию лишь тексты, аутентичные классическому канону, или же ее страницы должны быть открыты для сонетных дериватов – «опрокинутых» сонетов (*reversed sonnets*), «хвостатых» сонетов (*caudated sonnets*), вольных стилизаций и откровенных пародий, чье присутствие не разрушает, а, обогащая, утверждает саму идею формы через демонстрацию ее пластических возможностей.

Однако именно в русской литературной традиции, где сонет, пройдя путь от ученического подражательства в XVIII столетии до статуса одной из вершинных лирических форм в творчестве поэтов Серебряного века, проблема антологизирования обрела особую остроту, будучи тесно связанной с вопросами культурной идентичности, исторической памяти и филологического служения в эпохи общественных катастроф. Наиболее ярким и трагическим воплощением этой проблемы стал грандиозный, но так и оставшийся невоплощенным замысел Владислава Ходасевича по созданию «Энциклопедии русского сонета» – проекта, который по своему масштабу и методологической глубине намного превосходил понятие обычной антологии, поскольку задумывался не как простая подборка текстов, а как всеобъемлющий синтез историко-литературного исследования, теоретической поэтики и библиографического справочника, призванный зафиксировать и осмыслить жизнь русской культуры через призму одной, но фундаментальной формы. Этот труд, созревавший в среде эмигрантского существования, когда сам Ходасевич, оторванный от родной почвы, видел в филологии последнее прибежище смысла и форму противостояния распаду, изначально был обречен на столкновение с целым рядом непреодолимых сложностей: во-первых, это проблема физической недоступности источников, когда исследователь, находясь в Париже, был лишен доступа к архивам и советским периодическим изданиям 1920-30-х годов, что делало любую претензию на полноту заведомо утопической; во-вторых, это глубинный идеологический и экзистенциальный раскол, заставлявший его решать мучительную дилемму – представлять ли русский сонет как единое древо, включив в него и советских авторов (что для Ходасевича-изгнаника было равноценно духовному компромиссу), или же ограничиться лишь эмигрантской ветвью, создав тем самым усеченный, неполнценный образ национальной традиции; и, в-третьих, это исполинский масштаб замысла, требовавший колоссальных сил и институциональной

поддержки, которых у однокого ученого, борющегося с нищетой и отчаянием, попросту не было.

Таким образом, наследие данного проекта Ходасевича, сохранившееся в виде черновых набросков, планов и разрозненных статей, заключается отнюдь не в его материальной реализации, а в том, что он явил собой высочайший образец филологического этоса, где скрупулезная работа по атрибуции, комментированию и систематизации текстов возводилась в ранг духовного подвига, целью которого было не только сохранение культурной памяти, но и ее творческое претворение в новое, целостное высказывание, способное противостоять хаосу истории. Последующие значительные антологии, будь то советский свод «Русский сонет» или более поздние компиляции, так или иначе наследуют – пусть и не всегда осознанно – этой двойной задаче: с одной стороны, представить историческую панораму жанра во всем его многообразии, от канонических шедевров до маргинальных опытов и радикальных дериватов, а с другой – предложить такую модель его осмысления, которая раскрывала бы сонет не как застывший артефакт, а как живой организм, чья внутренняя диалектика между традицией и новаторством, продолжает порождать новые смыслы, подтверждая тем самым неисчерпаемость этой, казалось бы, строго ограниченной формы, которая, как доказали и продолжают доказывать все новые антологические проекты, остается вечным двигателем поэтической мысли.

=====

**Дополнительная информация:** На Западе, в эпоху постмодерна, когда сама идея канона и иерархии была поставлена под сомнение, проекты по сбору сонетных дериватов приобрели новый, гиперинклузивный характер, наиболее ярким примером чему служит интернет-проект «The Sonnetarium», запущенный в начале 2000-х годов группой американских исследователей из Стэнфорда, который, отказавшись от печатного формата как устаревшего и ограничивающего, предложили открытую вики-среду, где любой пользователь мог загрузить свой вариант сонета или его деривата, сопроводив его мета-тегами, описывающими формальные параметры (количество строк, схему рифмовки, метрику, наличие/отсутствие вольт), что, с одной стороны, привело к взрывному росту базы данных, насчитывающей ныне более сотни тысяч единиц хранения, а с другой – породило хаос и проблему верификации, поскольку граница между сознательной литературной игрой и простой графоманией в таком демократичном пространстве оказалась практически стёртой, что заставило многих серьёзных литературоведов усомниться в научной ценности подобного предприятия.

### *Об авторе*

*Автор статьи: московский поэт, критик, общественный деятель,  
руководитель Школы русского сонета Леонид Фокин*

Школа русского сонета  
г. Москва  
Поступила в редакцию 18.12.2025.